

Добившись изгнания главных вождей жирондистской партии из Конвента, монтаньяры занялись в течение всего лета 1793 г. организацией сильного правительства, сосредоточенного в Париже и способного оказать сопротивление движениям, которые могли бы начаться в столице под влиянием «бешеных» и коммунистов.

Уже с апреля Конвент передал, как мы видели, центральную власть в руки своего Комитета общественного спасения, и после 31 мая он продолжал усиливать этот Комитет людьми из партии Горы¹. И когда вступление в действие новой конституции было отложено до заключения мира, оба Комитета, общественного спасения и общественной безопасности, продолжали сосредоточивать все больше и больше власти в своих руках, держась притом средней политики, т. е. занимая положение между крайними партиями («бешеные». Парижская коммуна) и дантонистами, к которым присоединились жирондисты.

В этом деле концентрации правительства обоим Комитетам сильно помогал Клуб якобинцев, который значительно расширил область своих действий в провинции и вместе с тем теснее сплотил свои ряды. Число провинциальных обществ (народных обществ и др.), присоединившихся к парижскому Клубу якобинцев, доходило в 1791 г. до 800; но два года спустя оно возросло уже до 8 тыс., и каждое из них было точкой опоры для революционной буржуазии. Из этих обществ набирались многочисленные чиновники революционной бюрократии, и каждое из них становилось полицейским центром, помогавшим правительству раскрывать своих врагов и уничтожать их.

Кроме того, 40 тыс. революционных комитетов было вскоре организовано, по одному в каждой общине и в каждой секции больших городов, и все эти комитеты, в которых делами заправляли, как это уже заметил Мишле, большей частью люди из буржуазии, очень часто даже бывшие чиновники монархии, - все эти комитеты были вскоре отторгнуты от Коммуны и подчинены Конвентом Комитету общественной безопасности. При этом сами секции и народные общества быстро обращались правительством в органы центрального управления, т. е. в отделения республиканской чиновной иерархии.

Между тем состояние Парижа не могло не внушать опасений. Наиболее энергичные революционеры записались в волонтеры в 1792 и 1793 гг. и отправлены были на границы или в Вандею; роялисты же тем временем поднимали голову. Пользуясь ослаблением надзора над ними, они возвращались в большом числе. В августе роскошь времен монархии внезапно снова появилась на улицах. Общественными садами и улицами овладели *мюскадэны*, т. е. молодые люди, мужчины и женщины, зажиточных семей, поражавшие всех своими необычайно нелепыми нарядами и манерами. В театрах ставились все роялистские пьесы, и их встречали шумными овациями, тогда как республиканские пьесы освистывались. Доходило даже до того, что на сцене представляли Тампльскую тюрьму и освобождение королевы; и действительно, побег Марии-Антуанеты едва не состоялся.

Секции наводнялись жирондистскими и роялистскими контрреволюционерами. Тогда как поденщики и мастеровые после долгого рабочего дня расходились вечером по домам, молодые люди из буржуазии, вооруженные здоровыми палками, приходили на общие собрания секций и заставляли присутствующих голосовать в направлении, желательном для контрреволюционеров.

Секции, несомненно, сумели бы отразить эти вторжения, как они уже однажды отразили их, призывая на помощь товарищей из соседних секций. Но якобинцы - оплот буржуазии - очень недружелюбно относились к секциям вообще и пользовались первым удобным случаем, чтобы парализовать их. Случай не замедлил представиться.

Хлеба по-прежнему не хватало в Париже, и 4 сентября 1793 г. начали собираться кучки народа

¹ Сперва Комитет общественного спасения был под влиянием Дантона; но после 31 мая он стал подпадать все более и более под влияние Робеспьера. Сен-Жюст и Кутон, личные друзья Робеспьера, вошли в него уже 30. Жанбон Сент-Андре вошел 12 июня, а Робеспьер — 27 июля; Карно и Приёр (из Кот д'Ора) вступили в Комитет 14 августа, а Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенн — 6 сентября, после восстания 4–5 сентября. В Комитете отличали три разных направления: *террористы* — Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенн; *работники* — Карно для войны, Приер для инженеров и вооружения и Ленде для интендантства; и наконец, *люди действия* — Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон. Что же касается до Комитета общественной безопасности, которому принадлежала государственная полиция, то он состоял по преимуществу из чиновников старого порядка. Теперь является даже вопрос, не сохранило ли большинство его членов свои старые симпатии? Прокурором при революционном суде состоял Фулье-Тенвиль, который вполне зависел от Комитета общественной безопасности. Он совещался с ним каждый вечер.